

Первый секретарь горкома партии, пригласив ее к себе, спросил: — Товарищ Ткачева, не возьметесь ли руководить городским отделом культуры?

Чтобы скрыть свою растерянность, удивление, она ответила вопросом на вопрос: — А что, как старший следователь прокуратуры я уже не гоже?

Первый секретарь огорченно хмыкнул:

— Мария Афанасьевна, ну зачем же вы так? Встал из-за стола, прошелся по кабинету.

— Откровенно скажу, в прокуратуре не хотят отпускать вас. Высшее юридическое образование, а главное — ваш опыт судьи, следователя, говорят сами за себя. Но мы вот здесь, в горкоме, посоветовались и решили просить вас перейти в горотдел культуры. Если бы вы знали, Мария Афанасьевна, как нужен нам на культурном фронте человек такого деятельного характера, как у вас.

Домой в тот майский теплый вечер она шла растрепанная, полная смуты. Машинально отвечала на бесконечные «здравствуйте» (в Прохладном ее знает почти все взрослое население), но никого не замечала.

Быть счастливой — значит любить свою профессию, специальность. Выполнять любимую работу. Это Мария Афанасьевна знала по собственному жизненному опыту. Юриспруденция — для миллионов людей сухая и скучная — для нее была интересной, привлека-

тельной, вдохновенной. Не так-то легко, как кажется непосвященным, провести судебное разбирательство даже самого простого дела. В основе правонарушения могут лежать тысячи различных причин. И важно обнажить именно то, что побудило конкретное лицо совершить преступление. Ведь судебный процесс должен стать и уроком воспитания для присутствующих.

Десять лет изо дня в день она рассматривала дела, выслушивала показания обвиняемых, свидетелей, речи обвинителей, защиты. И все для того, чтобы, детально разобравшись в существе вопроса, именем советского закона утвердить истину, покарать зло.

До сих пор вспоминают ее, Ткачеву, в Майском, где десять лет была она народной судьей. Нынешняя работа в Прохладненской прокуратуре не менее интересна. И потом, все знакомо, привычно. А отдел культуры...

— Нет, не соглашусь. Поздно жизнь переименовывать», — подумала Мария Афанасьевна и, как ей показалось, успокоилась.

Но той ночью ей долго не удавалось уснуть. Лежала с открытыми глазами и почему-то перебирала всю свою жизнь. Как наяву видела родное село Каняву на Полтавщине, где веснами прячутся чистенькие хатки в кипении садов. Издали глянешь — будто белое облако опустилось посреди степи. В самом центре Канявы церковь смотрит обшарпанны-

ми куполами в небо. Там, в церковном хоре, и пристрастилась она, Марийка, дочь бедняка Афанасия Зайко, к пению. Было это добрых сорок лет назад.

В школе она училась на «отлично». В тридцать девятом поступила в Днепро-

петровский университет на биологический факультет. Второй курс закончила и... война. Ей удалось эвакуироваться до прихода гитлеровцев.

Последующие события память восстанавливала видениями-отрывками.

— ДНАКО закончила ты, дочка. Беги обогрейся маленько, — сочувственно заметил, приостановившись у ее станка, старичок-мастер.

Чужими от холода губами Мария поблагодарила его и, проваливаясь в снег, побежала в бытовку.

Какое это все-таки блаженство — ощущать тепло! В цехе холод прямо адский. Без перчаток возьмись за станок — рука «пристынет» к металлу. Ведь цех — обычный навес, под которым стоят обдуваемые всеми ветрами три десятка станков...

Их, будущих радистов, по железной дороге доставили на станцию Тихвин, а отту-

да на машинах — к Ладозскому озеру.

...Маленькое суденышко, тяжело зарываясь носом в волны, направлялось к тому самому трехкилометровому «коридору жизни», который советским войскам удалось прорубить в огненных тис-

дах блокады. Девчата, заинтересовавшись стоящим на мостике рослым капитан-лейтенантом, изо всех сил старались привлечь его внимание, когда вахтенный ударил в колокол — сигнал боевой тревоги и громко прокричал: «Воздух!».

На судно пикировал фашистский истребитель... Палуба враз пришла в движение: толкаясь, сбивая друг друга с ног, пассажиры ринулись вниз, в трюм. Противный рев самолета заглушили истошные вопли обезумевших от страха девчат. Зашелся в дробном кашле установленный на корме зенитный пулемет. Свинцовые строчки с самолета прощили воду позади суденышка, и истребитель, набирая высоту, удалился.

— Ох и страшно же... — выдохнула стоящая рядом с Марией высокая девушка.

— Ну, а как же! — И побежала в цех.

Июнь 1942-го. Ленинград сражается в огненном кольце...

Шестой месяц Мария живет здесь, на Урале, в городе Ревда. Освоила специальность фрезеровщика. Работает на метизно-металлическом заводе. Нелегко ей приходится. А кому легче? Война...

Фронт требует, ждет про-

да на машинах — к Ладозскому озеру.

...Маленькое суденышко, тяжело зарываясь носом в волны, направлялось к тому самому трехкилометровому «коридору жизни», который советским войскам удалось прорубить в огненных тис-

дах блокады. Девчата, заинтересовавшись стоящим на мостике рослым капитан-лейтенантом, изо всех сил старались привлечь его внимание, когда вахтенный ударил в колокол — сигнал боевой тревоги и громко прокричал: «Воздух!».

На судно пикировал фашистский истребитель... Палуба враз пришла в движение: толкаясь, сбивая друг друга с ног, пассажиры ринулись вниз, в трюм. Противный рев самолета заглушили истошные вопли обезумевших от страха девчат. Зашелся в дробном кашле установленный на корме зенитный пулемет. Свинцовые строчки с самолета прощили воду позади суденышка, и истребитель, набирая высоту, удалился.

— Ох и страшно же... — выдохнула стоящая рядом с Марией высокая девушка.

— Ну, а как же! — И побежала в цех.

Июнь 1942-го. Ленинград сражается в огненном кольце...

Шестой месяц Мария живет здесь, на Урале, в городе Ревда. Освоила специальность фрезеровщика. Работает на метизно-металлическом заводе. Нелегко ей приходится. А кому легче? Война...

Фронт требует, ждет про-

да на машинах — к Ладозскому озеру.

...Маленькое суденышко, тяжело зарываясь носом в волны, направлялось к тому самому трехкилометровому «коридору жизни», который советским войскам удалось прорубить в огненных тис-

дах блокады. Девчата, заинтересовавшись стоящим на мостике рослым капитан-лейтенантом, изо всех сил старались привлечь его внимание, когда вахтенный ударил в колокол — сигнал боевой тревоги и громко прокричал: «Воздух!».

Потом, уже ночью, новобранцы шли по узкому, простреливаемому со всех сторон коридору, ведущему в Ленинград. И опять «умирали» от страха, но никто даже не пикнул.

— Ну, товарищи, вы теперь не просто парни и девчата, а краснофлотцы, — строго сказал им сопровождающий офицер, когда вошли в черту города Ленина. — Дорожите честью моряков. И запомните этот день — пятое июня тысяча девятьсот сорок второго года.

Мария почувствовала подступивший к горлу ком и глотнула воздух, боясь расплакаться...

— СТАРШИНА второй статьи Зайко! Сегодня должна объявиться сорок вторая подлодка. Внимательно следите за эфиром и передайте ей это. — Капитан третьего ранга Князев, коренастый, рыжий и, как большинство рыжих, донельзя веснушчатый, протянул ей радиogramму штаба. Мария коротко и привычно ответила: «Есть, товарищ капитан третьего ранга!».

Настроив радио, она удобнее уселась и стала ждать позывных 42-й. Теперь ей предстояло долгих двенадцать часов провести наедине с разноголосым тревожно-чутким эфиром. Чуть вращая ручку настройки, она бессознательно вслушивалась в незнакомую

речь или читала «морзянку». Мария по праву считалась одной из лучших радисток в Кронштадте: сто двадцать знаков азбуки Морзе принимала она на слух в минуту. В школе морских связистов даже висел плакат: «Учитесь так, как Зайко и Ходосова!».

Как лучший курсант, она работала в комнате, где некогда создавал великое чудо — радио сам Попов. А такой чести удостоивались немногие...

Утром, сдав вахту и выйдя из подземного бункера, Мария с удовольствием вдохнула солоноватый, пахнущий морем, холодный воздух. Отыскала-таки она 42-ю...

Заметив, что на деревьях набухли почки, Мария подумала о том, что эта весна сорок пятого, наверное, последняя военная весна.

— Что грустная? Устал косяк? — грубовато-ласково окликнул ее спякашник по школе связистов.

Мария не обиделась на него за «косого». Такая уж у нее фамилия неудачная: Зайко. За три года слышалась от морской братвы и «заяц», и «зайка» и «косяк»... Даже диктор, когда объявлял ее выступление по Ленинградскому радио, запнулся перед тем, как произнести «Зайко».

Да, в сорок третьем она объявляла по радио для бойцов ленинградского фронта. Исполняла «Песню ямщика», «Нищую» на слова Беранже, русские народные частушки.

В Кронштадте тоже часто приходилось выступать в

концертах — для моряков. Один раз, правда, отказалась — сил не было, прямо с ног валилась. Но замполиту почему-то капризно заявила: «Не хочу». А он, человек крутой, вспыльчивый, в сердцах на неделю лишил Марию увольнительных. Остыв, сказал ей всего одну фразу:

— Матросы с песней в бой, на смерть идут, а ты отказываешь им в песне. Повернулся и вышел из казармы. Ей захотелось догнать его, попросить прощения. Жег стыд.

Потом, какой бы усталой ни была она, отдекурив свои 12 часов у радики, от концертов на кораблях никогда не отказывалась.

...Да, весна! Оживает природа и душа поет. И есть, есть от чего...

— Машенька, прибавь шагу, — догнали ее подружки, одетые, как и она, в темную морскую форму. Одна из них лукаво сощурилась: — А ты не Ткачева ли поджидаешь?

— Скажешь тоже! — вспыхнула Мария. Подруги понимающе переглянулись: дружба радистов Зайко и Ткачева ни для кого из них не была секретом.

В канун Победы, в апреле сорок пятого, старшина второй статьи Зайко стала Ткачевой.

ЖЕЛАЮЩИХ петь в Ростовском театре оперетты — двадцать семь. Многие женщины держат в руках ноты, со знанием дела говорят о театральных новинках, кокетничают. От них

(Окончание на 4-й стр.)

О
Ч
Е
Р
КС ПЕСНЕЙ
ПО ЖИЗНИ

пахнет духами. «Где достаю?» — с завистью думала Мария. В своей морской форме она чувствует себя белой вороной.

Все решит конкуре — в труппе театра два вакантных места, кто же займет их?

Для Марии этот конкуре — вступление в гражданскую жизнь. Отважившись попытать счастья на профессиональной сцене, она, после того, как увидела других претендентов, готова была заранее признать свое поражение и сбежать. Господи, куда уж ей?

— Кто Ткачева? Заходите.

— Ну-с, так на что мы способны? — доброжелательно улыбается седоватый, болезненного вида,

темными кругами под глазами, мужчина (После Мария узнала, что это был тогдашний главный режиссер театра Белиц).

— Я пою, — смущаясь, сказала она.

— Превосходно. Что исполните? — Он, как показалось ей, ободряюще подмигнул.

— «Не брани меня, родная».

— Превосходно. — Белиц дал знак аккомпаниатору.

Мария запела сначала несколько скованно, а потом в полный голос, забыв о том, что она на экзамене.

Закончила, и опять вернулось чувство неловкости. Услышала, как Белиц громко сказал коллеге:

— Ярко выраженное меццо-сопрано. Приличный диапазон — три октавы.

...Испытание на этом не кончилось: проверяли еще музыкальный слух, пластичку движений...

...Мария Афанасьевна, вспомнив себя, тогдашнюю, улыбается: ее ведь все-таки приняли, хотя она не знала даже нотной грамоты.

Полгода проработав хористкой в театре оперетты, опять-таки по конкурсу, стала солисткой в Государственном ансамбле песни и пляски донских казаков. Привлекла возможность петь милые сердцу раздольные народные песни. А через год пришлось распрощаться с профессиональной сценой: не на кого было оставить дочь. Ей исполнилось тогда полтора года. А те-

невольной нежностью подумала: «Молодец, мама. Сорок семь, пережила столько, а бодрости хоть отбавляй».

Стройная, в хорошо сидящем на ней пальто с меховым воротничком, в меховой шапочке, Мария Афанасьевна легко взбежала по ступенькам и прошла прямо в зал. Навстречу ей поднялся директор Дома культуры Григорий Яковлевич Бескоровайный:

гана, цыганку — в парке ли, на базаре — приглашала в Дом культуры.

И однажды они явились группой человек в десять. Тут и выяснилось, что есть среди них гитаристы, танцоры, певцы...

Но прошло немало репетиций, прежде чем решилась представить Мария Афанасьевна искусство своих питомцев на суд зрителей. Успех уже первого кон-

ансamble. В Кабардино-Балкарии, на Ставрополье, в Северной Осетии. Степан Иванов, Нина Панченко, Сергей Панченко, Рая Панченко — они стали для Марии Афанасьевны как родные. Делятся с ней своими заботами, планами. И она заботится о них: то строй-материалы помогает достать («Дом — это хорошо. Корни надо крепкие пускать»), то устраивает их личные дела («Вдвоем жизнь богаче...»). Обратилась Ткачева даже в Министерство культуры РСФСР и театр «Роман» с просьбой при-слать консультанта-специалиста по народным цыганским песням и танцам. Ожидает его с нетерпением: «Ох, как запоет, затанцует наш ансамбль...».

Впрочем, разве только дела и нужды этого ансамбля занимают Ткачева. При Доме культуры имеется эстрадный коллектив, танцевальная группа, работает народный университет культуры, где имеются факультеты: музыкальный, юридический, здоровья. Мария Афанасьевна — частая гостья в клубах предприятий, организаций. А кроме того, сама еще играет в народном театре, ездит с концертными бригадами самодеятельных артистов по селам района, республики. Как и прежде, великолепно исполняет русские народные песни.

ПОЛНОЧЬ. Усеяно хол-додными светлыми точками темное небо. Похрустывает под сапожками схваченный декабрьским морозцем снежок. Мария Афанасьевна Ткачева возвращается домой после репетиции. Она устала за день. Она сделала немало. Но не все. Завтра она опять закрутится в бесконечной веренице забот. Но все равно — завтра прекрасно. Завтра она снова встретится с дорогими ее сердцу людьми, встретится с песней.

О. САЕНКО.

СПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

нерь двадцатилетняя Галка сама мама...

Мария Афанасьевна невольно вздохнула: как летит время... С улицы донеслось нестройное пение. Мария Афанасьевна поморщилась. Ох, как перевирают мелодию ребята, а голоса хорошие — молодые, звонкие. Помочь бы им...

С этой мыслью и заснула.

Утром, уже не колеблясь, сказала в горьком партии о своем согласии. Это случилось 15 мая текущего года.

— МАМА, твой подшеф... — Мые, кажется? — Дочь, купавшая ребенка, позвала на улицу.

Мария Афанасьевна выглянула в окно. Нет, этих цыган она не знала.

— Мама, ты же говорила, что в пять репетиция в Доме культуры.

— Сейчас иду, Галя.

Мария Афанасьевна быстро оделась, чмокнула в розовую теплую щеку внука и торопливо вышла из комнаты. Глядя ей вслед, Галя с

— Здравствуйте. Артисты наши собираются.

Уловив в его голосе теплые нотки, Мария Афанасьевна подумала, что за какушейся суховатостью, каким-то воинским педантизмом бывшего офицера Бескоровайного скрывается горячая заинтересованность в работе, в успехах коллектива художественной самодеятельности.

Ребята и девушки входили оживленные, раскрасневшиеся от морозца. Громко, весело здоровались. Если бы ее, Марию Афанасьевну, кто-то попросил рассказать о них, о каждом, она поведала бы немало интересного. Ну, например, об артистах цыганского ансамбля. Еще в бытность свою судьей, следовательно она не раз сталкивалась с цыганами: чаще всего призвала их и порядку. И все-таки они — несдержанные, экспансивные — чем-то нравилась ей. Может, кровь прабабки-цыганки говорила в ней...

Тот же Сергей, как оказалось, работал в Краснодаре шофером. Но выяснилось, что он почти безграмотен, и в Прохладненском автохозяйстве отказались его принять.

— Сам виноват, не учился и не учился, — с укором сказала Мария Афанасьевна.

— Да я все буквы знаю. Только сложить их не могу. Уже добрый десяток концертов дал Прохладненский самодеятельный цыганский

церта превзошел ожидания: цыгане понравились.

— Не надоедает вам, ребята, целыми днями без дела слоняться? — спросила она как-то недавно их после репетиции.

Сергей Панченко, живой парень с бакенбардами, ответил за всех:

— Нас на работу не берут.

Разговор оборвался.

На следующий день Мария Афанасьевна зашла к секретарю горкома КПСС Х. Б. Хуранову, попросила помочь трудоустроить участников ансамбля. Хуранов позвонил, узнал, где требуются рабочие.

Тот же Сергей, как оказалось, работал в Краснодаре шофером. Но выяснилось, что он почти безграмотен, и в Прохладненском автохозяйстве отказались его принять.

— Сам виноват, не учился и не учился, — с укором сказала Мария Афанасьевна.

— Да я все буквы знаю. Только сложить их не могу. Уже добрый десяток концертов дал Прохладненский самодеятельный цыганский